

Въ тотъ мигъ, какъ власть ея въсъ посмотрѣть толкаетъ,
Чтд дѣлалъ я, волнуясь, тогда.

Амуръ, проснувшійся во мнѣ, повелѣваетъ,
Чтобъ вздохамъ выходъ грудь моя дала
И грудь поспѣшно вздохи испускаетъ
И вздохи тяжкіе такъ говорятъ тогда:

— „О, благородная Душа, что въ Небесахъ витаетъ!
„Сей скорбный, грустный день собою пополняетъ
„Тотъ годъ, въ который ты на Небо вознеслась.“

Нѣсколько времени спустя, когда я былъ въ одномъ мѣстѣ, разсуждая о прошломъ времени, то почувствовалъ себя до такой степени удрученнымъ грустными воспоминаніями, что мое лицо выдавало ужасныя, волновавшія меня, чувства. Въ такомъ смущеніи, я поднялъ глаза, желая видѣть, не смотрѣтъ-ли кто на меня и увидѣлъ благородную донну, очень красивую, которая изъ окна наблюдала съ большимъ состраданіемъ за чертами моего лица и казалась исполненною жалости ко мнѣ. Какъ обыкновенно бываетъ съ несчастными существами, которые готовы тотчасъ плакать, лишь только видятъ, что другіе интересуются ихъ судьбою, такъ и я чувствовалъ, что слезы заволакиваютъ мнѣ глаза; но, стыдясь выразить мое грустное настроеніе, я старался ускользнуть отъ взоровъ благородной донны и сказалъ самому себѣ: „Невозможно, чтобы у этой сострадательной донны не было-бы самой благородной любви!“ Вотъ почему я и рѣшился написать сонетъ, съ

которымъ и обращаюсь къ ней и гдѣ рассказываю обо всемъ, что было объяснено. Вотъ онъ:^{н*)}

Въ чертахъ я Вашихъ видѣлъ состраданье,
За мной съ участiemъ слѣдили Вы когда
И видѣлъ я,— Вы поняли терзанье,
Чтѣмъ исказило мнѣ черты лица.

И страхъ томительный и робкое дрожанье
Всѣмъ выдали печаль мою тогда.
Въ душѣ все чувствуя одно только страданье,
Я взоровъ Вашихъ избѣгалъ всегда

И въ сердцѣ чуялъ, полнъ своей печали,
Что слезы изъ очей струиться начинали
И ихъ тотчасъ спѣшилъ я утаить.

Я говорилъ:— „Любовь лишь заставляетъ
„Печаль ту облегчить, чтѣмъ меня терзаетъ,
„Съ женой прелестной вмѣстѣ слезы лить.“

Случилось такъ, что всюду, гдѣ только меня встрѣчала это донна, ея видѣ становился всегда сострадательнымъ, а лицо блѣднымъ, какъ лицо Амура; это-то и было причиною, что она мнѣ напоминала мою благородную Жену, которая мнѣ являлась всегда съ такимъ же цвѣтомъ лица. И часто, не имѣя возможности плакать и облегчить своего горя, я отправлялся повидаться съ этою страдательною донною, одинъ видѣ

*) Этотъ сонетъ на столько ясенъ, что я его оставляю безъ раздѣленій.

которой вызывалъ слезы на мои глаза. По этому поводу, у меня снова явилось желаніе сказать нѣсколько словъ, обращаясь къ ней и я написалъ этотъ сонетъ:

Любовь и жалость ярче не блистали
Въ лицѣ жены столь кроткой никогда,
Какъ въ Вашемъ, вы, о, донна увидали
Скорбей печать въ лицѣ моемъ когда.

И я растроганъ такъ въ своей печали
И мысль такая мнѣ на умъ пришла,
Что я боюсь,—мнѣ сердце растерзали,
Вы, чудная жена, участіемъ тогда.

Не въ силахъ сдѣлать я, чтобъ очи не смотрѣли,
Потухшіе, на Васъ такъ часто,—вѣдь хотѣли
Они до гроба слезы не осушать...

А Вы ихъ маните,—они почти истлѣли,
Но все-жъ они теперь бы не съумѣли
При Васъ, въ печали, слезы проливать. *)

Частое свиданіе съ этой донной довело до того, что мои глаза находили уже слишкомъ большое удовольствіе ее лицезрѣть. Вслѣдствіе этого я испытывалъ горе; я осуждалъ свою слабость и даже нѣсколько разъ проклиналъ суетность моихъ очей. Я имъ говорилъ въ глубинѣ моихъ мыслей: „Вы привыкли заставлять плакать всѣхъ тѣхъ, которые видѣли ваше грустное со-

*) Этотъ сонетъ, такъ-же, какъ и предъидущій, настолько простъ, что нѣть надобности раздѣлять его на части.

стояніе; теперь же кажется, что вы хотите ее забыть для этой донны, которая на васъ смотрить, но которая смотрить на васъ только потому, что славная Жена, которую вы привыкли оплакивать, тяготить ее. Удерживайтесь, пока можете, потому что я буду часто напоминать вамъ мою Жену, проклятые глаза, слезы не должны были никогда переставать течь изъ васъ, развѣ только послѣ вашей смерти.“ И говоря такъ мысленно моимъ глазамъ, я чувствовалъ, какъ ко мнѣ подступили продолжительные и тяжелые вздохи. И для того, чтобы каждый, кромѣ того несчастнаго, который испытывалъ эту внутреннюю борьбу, зналъ бы объ этомъ, я порѣшилъ написать сонетъ, въ которомъ-бы заключался весь этотъ ужасный конфликтъ. И я написалъ то, что слѣдуетъ: *)

О, мои очи! Вы вѣдь проливали
Такъ долго слезы горькія всегда
И сострадательныхъ вы плакать заставляли,
Но, мню, забудете ее вы навсегда,

Коль не стараюсь я, чтобы Васъ не отвлекали
Отъ *той*, которая заставить васъ могла
Ее оплакивать; и я, въ своей печали,
Боюся той Жены, чтѣ смотрить въ васъ всегда.

*) Въ этомъ сонетѣ двѣ части. Въ первой, я обращаюсь къ моимъ глазамъ, какъ-будто-бы говорить мое сердце. Во второй я выражаютъ какою-то сомнѣнія и эта часть начинается такъ: „Такъ сердце говоритъ“... Въ этомъ сонетѣ было-бы можно допустить еще нѣсколько подраздѣленій, но это безполезно, вслѣдствіе предшествующаго объясненія.

И развѣ лишь когда умрете, то забвенье
Найдеть въ васъ та Жена, которая томленье
Дала вамъ на землѣ и нынѣ умерла...

Такъ сердце говорить и такъ оно вздыхаетъ
И такъ по той Женѣ, прелестной столь, страдаетъ,
Которая на Небо, въ лучшій міръ, ушла.

Видѣ этой донны производилъ во мнѣ такую перѣмѣну, что я даже часто думалъ о ней, какъ обѣ особѣ, которая мнѣ слишкомъ нравится; я думалъ о ней такъ: эта донна, благородна, прекрасна, молода и умна; она явилась, быть можетъ, по волѣ Амура, чтобы нѣсколько успокоить мою жизнь. И часто я думалъ о ней, какъ влюбленный, такъ-что даже сердце соглашалось съ разсудкомъ; но тогда, какъ-бы движимый разсудкомъ, я думалъ и говорилъ самъ съ собою: „Ахъ, что это за мысль, которая имѣеть какъ-бы притязаніе утѣшить меня такимъ низкимъ образомъ и не оставляетъ почти никакой другой идеи въ моемъ умѣ?“ И вдругъ мнѣ представлялось другое размышленіе, въ которомъ говорилось: „Теперь, когда ты погруженъ въ такое великое горе Амура, почему ты не стараешься избѣгнуть всей этой горечи? Ты прекрасно видишь, что дуновеніе Амура несетъ къ тебѣ съ пріятной стороны, отъ взоровъ донны, оказавшейся къ тебѣ такою сострадательною“. Послѣ такой продолжительной внутренней борьбы, я хотѣлъ написать нѣсколько словъ; но такъ-какъ во время этой борьбы, мысли, бывшия на сторонѣ этой донны оказались побѣдительницами, то мнѣ показалось

удобнымъ обратиться прямо къ ней и я написалъ этотъ сонетъ: *)

О, мысль о Васъ такъ сладостно витаетъ,
Что соглашается и Сердце даже съ ней;
Тогда Душа ему тихонько навѣваетъ:
— „Кто утѣшаетъ умъ нашъ сладостью своей?“

„Мощь добродѣтелей ея не допускаетъ „Иныхъ мечтаній, кроме какъ о сей.“
— „О, ты Душа“, — такъ Сердце отвѣчаетъ,
„Амура новый духъ, то силою своей“

*) Я дѣлю этотъ сонетъ на двѣ части по различному существу моихъ мыслей. Я называю одно *Сердцемъ* — это желаніе, аппетитъ; я называю другое *Душою* — это разумъ; и рассказываю, какъ одно говорить другому. Что-же касается до удобства назвать аппетитъ сердцемъ и разумъ душою, то это заявляется тѣмъ, которымъ я желаю, чтобы это было ясно... Правда, въ предыдущемъ сонетѣ я противопоставляю сердце глазамъ и это кажется противорѣчащимъ тому, что я говорю теперь; вотъ почему я говорю, что подъ аппетитомъ я подразумѣваю сердце, потому-что у меня было болѣе сильное желаніе вспоминать о моей благородной Женѣ, чѣмъ видѣть другую Донну, несмотря на то, что къ ней у меня явился аппетитъ хотя и легкій. Изъ чего слѣдуетъ, что одно предложеніе не противорѣчитъ другому. Но въ сущности въ этомъ сонетѣ три части. Въ первой, я начинаю говорить этой доннѣ, какъ мое желаніе всецѣло обращается къ ней; во второй — я говорю, какимъ образомъ душа, т. е. разумъ, говорить сердцу, т. е. аппетиту; въ третьей — я говорю, какимъ образомъ этотъ послѣдній отвѣчаетъ... Вторая часть начинается: „Тогда Душа ему тихонько навѣваетъ...“ А третья: „О, ты, Душа“, — такъ Сердце отвѣчаетъ...“

„Ея желанія ко мнѣ, во глубь, приносить
„И для чея одной могущества онъ просить,
„Которое даруютъ очи донны той,

„Чтѣ такъ смущалась, видя, какъ страдаемъ
„И ни на мигъ покоя мы не знаемъ
„Отъ скорби тяжкой и отъ муки злой.“

Однажды, къ часу Ноны, во мнѣ поднялось противъ этого противника Разума, могучее воображение. Мнѣ представилась эта славная Beатриче, одѣтая въ алое, какъ прежде, юная, именно въ томъ возрастѣ, когда я ее увидѣлъ въ первый разъ. Тогда всѣ мои мысли перенеслись на нее и перебирая въ умѣ свою всѣ воспоминанія по порядку времени, мое сердце стало горько раскаиваться въ томъ желаніи, которому оно такъ низко предалось въ теченіи нѣсколькихъ дней, презирая постоянство, которое ему совѣтовалъ разумъ. Лишь только виновное желаніе было прогнано, какъ всѣ мои мысли снова перенеслись къ благородной Beатриче и, начиная съ этого момента, когда я занимался ею, мое сердце было до такой степени проникнуто стыдомъ, что я очень часто заявлялъ такое расположение моими вздохами, которые, вырываясь казалось, говорили о томъ, что такъ меня волновало внутренне т. е. имя этой благородной особы и какъ она разлучилась съ нами. И часто случалось такъ, что въ каждой мысли было столько страданія, что я даже забывалъ все и не знать, гдѣ находился. Это возрастаніе вздоховъ до такой степени увеличило мои торжественные сѣтованія, что мои глаза, казалось, ничего иного не желали, какъ только плакать;

результатомъ этого часто являлось то обстоятельство, что мои глаза, продолжая проливать такія слезы, были окружены полосою пурпурового цвѣта, какъ это часто встрѣчаешь у тѣхъ, которые испытываютъ сильныя страданія. Получивъ такую справедливую награду за свою суетность, мои глаза, съ этого момента, уже болѣе не устремлялись на ту особу, которая на нихъ смотрѣла и уже не черпали тамъ подобной мысли, которая у меня было явилась. Желая, чтобы такое виновное стремление, такая гордая попытка были, бы совершенно уничтожены, такъ чтобы стихи, которыя я написалъ передъ этимъ не могли породить никакого сомнѣнія, я рѣшилъ сочинить сонетъ, который вполнѣ выразилъ-бы это настроеніе моего ума и я написалъ: *)

Увы мнѣ! Сила вздоховъ побѣждаетъ
Глаза мои,—не смѣютъ ужъ они
Другіе привлекать; ихъ воля заставляетъ
Лишь плачемъ скорби изливать свои.

За слезы ихъ Амуръ порою награждаетъ
Мученія вѣнцомъ страданія мои.
И вздохи тяжкіе и думы порождаютъ
Такія скорбь моя, что часто ужъ они

Амура жалобой сердечною сражаютъ,—
Онъ падаетъ безъ чувствъ, полнъ скорби, иногда.
Имя Жены они всѣ призываютъ

*) Я говорю „увы!“ ибо стыдился того, что мои глаза заставили меня войти въ такое заблужденіе. Я не раздѣляю на части этого сонета, такъ-какъ его сюжетъ совершенно ясенъ.

И много мұки есть ужъ въ нихъ всегда, —
Слова они однѣ собою изливаютъ
О смерти той Жены, божественной, тогда.

Послѣ этого горя (это было именно въ тотъ моментъ, когда толпа шла лицезрѣть Св. Образъ, который Иисусъ Христосъ оставилъ намъ со Своего прекраснаго Лика, на Который со славою взираетъ моя Жена) случилось такъ, что нѣсколько пилигримовъ шли по улицѣ, пролегавшей по серединѣ города, гдѣ родилась, жила и умерла благородная Жена. И, какъ мнѣ показалось, эти пилигримы шли, погруженные въ глубокую задумчивость. Наблюдал за ними, я сказалъ самому себѣ: „Эти пилигримы, судя по ихъ виѣности, идутъ издалека; они, вѣроятно, никогда ничего не слыхали обѣ этой Женѣ; они не знаютъ ничего, касающагося до нея и ихъ мысли напротивъ того, соредоточены на совершенно другомъ, чѣмъ на томъ, что происходитъ здѣсь. Очень можетъ быть, что они думаютъ о своихъ друзьяхъ, которыхъ мы совершенно не знаемъ. Если-бы они были бы по-сосѣству съ этою страною, прибавилъ я, то смущеніе и волненіе выразилось-бы на ихъ лицахъ, когда они проходили-бы по этому огорченному городу. О! если-бы я могъ поговорить съ ними, хотя одну минуту, я заставилъ-бы ихъ заплакать, прежде-чѣмъ они выйдутъ изъ этого города, потому-что я сталъ бы говорить такими словами, которыя исторгли-бы слезы у всякаго, кто только ихъ услышитъ. Послѣ этихъ размышлений и когда уже пилигримы удалились отъ моихъ взоровъ, я порѣшилъ написать сонетъ, въ которомъ выражу то, что говорилъ самъ себѣ; для того,

чтобы онъ показался болѣе трогательнымъ, я представлю себѣ, что обращаюсь съ рѣчью къ пилигриммамъ и говорю: *)

О, пилигриммы, вы задумчиво идете отъ Франции
И заняты не тѣмъ, чтѣ окружаетъ васъ; а эти
Изъ дальней-ли страны, скажите, вы отрядете, если
Какъ внѣшность и нарядъ въ томъ убѣждаютъ насъ?
Вы не замѣтите, какъ слезы вы прольете, а въ
Когда по городу пройдете вы хоть разъ.
Коль остановитесь, — безъ слезъ не отойдете:
Печаль глубокая захватить сердце въ васъ.

Сей городъ Беатриче дивную теряеть гло ахъ отъ
И горести слова, что сердце намъ внушиаетъ
О чудной той Женѣ, съ рыданіемъ, сказать —

*) Я говорю „пилигриммы“ въ самомъ широкомъ значеніи этого слова, такъ-какъ „пилигриммъ“ можетъ быть понято или въ общемъ значеніи или въ частномъ. Въ общемъ значеніи слово „пилигримъ“ означаетъ всякаго, который находится въ своей родинѣ; въ частномъ, подъ словомъ „пилигримъ“ подразумѣвается тотъ, который идетъ въ церковь Св. Иакова де Компостелле, или кто оттуда возвращается. Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что существуетъ три различныхъ названія для людей, которые посвящаютъ себя на богомолье. Ихъ называютъ „Паломниками“ (Пальмоносцами), когда они уѣзжаютъ за море, откуда они часто привозятъ пальмы. Ихъ называютъ „пилигримами“, когда они отправляются въ Галлію, потому что св. Иаковъ, отправился далѣе всѣхъ другихъ Апостоловъ отъ своей родины. Наконецъ, называютъ „Ромеозами“ тѣхъ, которые отправляются въ Римъ. Этого сонета я не раздѣляю на части, такъ-какъ его сюжетъ совершенно ясенъ.

Невольно всякаго, кто слышитъ, наполняетъ
Глубокою тоской и, въ горѣ, заставляеть
Лицо сочувствія слезами орошать.

Двѣ благородныя донны прислали просить меня написать для нихъ стихи; размыслия о ихъ благородномъ происхожденіи, я предположилъ обратиться къ нимъ со стихотвореніемъ и сдѣлать совершенно новую вещь для того, чтобы отвѣтить самымъ почтительнымъ образомъ на ихъ просьбу. Я написалъ сонетъ, который ихъ знакомить съ моимъ положеніемъ и я его имъ послалъ съ прибавленіемъ другого, начинающагося такъ: „О, возвышенныя сердца, приходите слушать мои вздохи...“ Что-же касается до послѣдняго, который я написалъ, то вотъ онъ: *)

*) Въ этомъ сонетѣ пять частей. Въ первой—я говорю, куда стремится моя мысль, обозначая ее именемъ одного изъ ея дѣйствій; во второй—я говорю, почему она поднимается въ высоту и кто заставляетъ ее итти туда; въ третьей—я говорю, что она тамъ видѣла, т. е. Жену, почтенную тамъ, въ высотѣ. И тогда я ее называю мысль-пилигриммъ, потому-что въ духовномъ значеніи она идетъ туда, какъ пилигриммъ, въ человѣческаго кругозора; въ четвертой—какъ моя мысль видѣть эту Жену, т. е. въ такихъ условіяхъ, которыхъ не можетъ постигнуть мой умъ; наше пониманіе относительно этихъ благородныхъ душъ все равно, что наше слабое зрѣніе относительно солнца: это то, что говоритъ философъ (Аристотель) во второй книгѣ Метафизики; въ пятой части я говорю, что, хотя я и не могу видѣть то, куда меня влечетъ мысль (я хочу сказать удивительныя достоинства той Жены), по-крайней мѣрѣ, я подразумѣваю, что такова мысль моей Жены, потому-что я часто слышу ея имя въ моей мысли. И въ концѣ этой, пятой, части я говорю: „О, Жены, нѣжныя...“ чтобы дать по-

За сферу, чтò быстрый вращается, стремится
Вздохъ, вылетѣвшій вдругъ изъ сердца моего,
Амура властью онъ въ груди моей родится
И къ Небу высоко Амуръ вознесъ его.

Онъ видитъ тамъ Жену въ сияньѣ и дивится...
Онъ зритъ ее такой съ полета своего,
Что не пойму, когда онъ хочетъ объясниться,—
Мой разумъ не постигъ нарѣчія его.

Но знаю,— онъ о ней меня оповѣщаетъ:
Вѣдь имя „Беатриче“ онъ упоминаетъ
И, значитъ, говорить о дивной той Женѣ...

И рѣчь его тогда, чтò блещеть красотою
И чудной нѣгою,—небесной, не земною,
О, жены нѣжныя, понятна стала мнѣ.

Когда я окончилъ этотъ сонетъ, мнѣ представилось необыкновенное видѣніе, во время котораго я принялъ твердое рѣшеніе ничего не говорить болѣе объ этой Блаженной, пока не буду въ состояніи говорить о ней достойнымъ образомъ. И чтобы достигнуть этого, я учусь столько, сколько могу, какъ она это хорошо знаетъ. Итакъ, если угодно Тому, Кѣмъ все зиждется, продлить мою жизнь, я надѣюсь сказать о ней то, что еще не было никогда говорено ни о комъ другомъ; и

нять, что я обращаюсь къ доннамъ. Вторая часть начинается: „Амура властью онъ...“ Третья: „Онъ видитъ тамъ Жену...“ Четвертая: „Но знаю...“ Можно было бы сдѣлать еще и другія подраздѣленія, но это было бы лишнимъ.

я-бы хотѣлъ, если будеть угодно Тому, Который является Господомъ милосердія, чтобы моя душа могла узрѣть славу Жены, т. е. блаженной Беатриче, которая со славою лицезрить Того, Который *per omnia soecula benedictus.* LAUS DEO.

